

Мосты
мосты

28/9/88

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты 28 СЕН 1988
Социалистическая индустрия

Сцена
и мы

НЕТЕАТРАЛЬНЫЕ МЕЧТАНИЯ

к открытию нового театрального сезона

**«Любите ли вы театр?» — Нет, не люблю.
«Любите ли вы театр так, как люблю его я,
то есть всеми силами души своей...»
Нет-нет, сказал же — не люблю.**

Сколько раз пели театру отходную, ровно столько раз он воскресал, не обращая на малейшего внимания на мрачные пророчества. Не погубит его и очередное признание в нелюбви. Да, я не люблю театр. Но не люблю его в том виде, в котором он оказался, и в том состоянии, до которого он сам себя довел. Ущипание и тоска безраздельно поглотили в театре в тот самый день и час, когда театру чуть ли не в словах и выражениях Михаила Жванецкого сказали: «Давайте, ребята, валите что хотите: ни вреда, ни пользы. Но осторожнее — а то помереете от бесцельности своего бесстрашия».

Пользы действительно никакой. А вот вред — мы его еще до конца не осознаем, но он может оказаться большим, чем предсказывают самые горячие умы.

Театры отчаянно, с мужеством обреченных боролись за свободу творческого и гражданского самовыражения. Олег Ефремов годами пробивал «Так победим!» и «Перестройку Зинаиду», Марк Захаров несколько лет пытался слать «взвешенным» комиссиям «Трех девушек в голубом», Олег Табаков клал всего себя на открытие своего театрального дела, Анатолий Эфрос и Юрий Любимов сражались за право быть личностями, и известная непомерная высокая и невыносимая местная цена, которую заплатил каждый из этих художников.

В этой неравной борьбе с театральным чиновничеством крепли мышцы театральных подлинников. Иногда ловлю себя на преступной мысли, вызванной единственно отчаянием: «Так хочется, чтобы снова наступил застой: какие были спектакли, какая музыка играла!»

Но неужели только в неравной борьбе художника с чиновником только и возможно полноценное существование искусства? Неужели без удивительных «приемов» и «сданных» спектаклей театр не может нормально прожить? А даже если бы «приемы» до сих пор не отменили, то сдаться-то нечего.

Нет премьер в Театре имени Ленинского комсомола у М. Захарова, два года жили отпущенного времени фильмом «Зубы дракона» «Перестройка Зинаида» стремительно состарилась ровно на столько лет, сколько ее не пускали к зрителю, и недавняя ее премьера во МХАТе не принесла ни печали, ни радости.

Олег Ефремов, подползнув Художественный театр, активно работает за рубежом. Острая и злободневная «Северная свадьба» от которой накануне XXVII съезда партии захватывало дух, сейчас уже воспринимается как безраздельный анахронизм, который был подхвачен телевизионной версией этой пьесы А. Мизанрина, вышедшей в дни работы XIX Всесоюзной конференции КПСС под названием «В связи с переходом на другую работу» и вызвавшей одно только недоумение: какой такой «смыслостю» мы могли восторгаться, в чем мы ее, это смелость, могли урвать?!

Правда, театр безнадежно и катастрофически отстал от Правды.

Я нутром перебираю приемы последних двух сезонов и убеждаюсь, что единст-

венная значительная из них — это «Юрис Годунов» в Театре на Таганке. А единственный режиссер, который хочет работать в нашем театре, — это Юрий Любимов. Остальные очень устали — от должностей в Союзах театральных деятелей СССР и РСФСР, от мучительных пробежек командировок и гастролей, от одиозных откликов иностранной печати, скандалов, которые невозможно притупить сочувственным к его истощенным: «Дело надо делать, господа!»

Многие хотя бы твердо для себя упустили, что триумфальный успех советского театрального искусства за рубежом — это всего-навсего триумфальный успех пилот — семи спектаклей, которые не выражают общей театральной ситуации, а являются лишь исключениями, подтверждающими правило, что дела все-таки плохи. К тому же интерес к этим вырванным из театрального контекста спектаклям на Западе — это предельно всего эскапизм возникшего интереса Запада к нашей стране и возросшего ее авторитета, но не более того.

Театру сказали: «Говори, — и он замолк. Видимо, из чувства собственного ему противопоставления».

Дело, однако, состоит в восприятии о том, как в дни работы XX съезда партии стремительно опустели театральные залы. Позолота и бархат не ласкали глаз, а тексты диалогов из пьес Сурикова и Софорова не радовали слух. На улицах было больше театров, чем в самом театре. В текстах было намного интереснее, чем в пьесах. В те же годы многие театральные критики стали писать о кино, в котором начинала теплиться каная-то реальная жизнь. От театра стали отворачиваться самые продвинутые ему слушатели, напуганные заменой покойной Мельпомены с молчаливой десеткой муз.

Нечто подобное происходит и сейчас. Наверное, это естественно — если революционная ситуация в стране не коснулась какого-либо общественного института, то интерес к нему моментально истощается.

Вот недавний театр был интересен альюлиям, которые разрывали нахватами, которые «фрондирующая» интеллигенция сладострастно выслушивала и выдвигала. Но время альюлий прошло, наметать стало не на что и незачем, кто скоро обо всем уже открыто печаталось в газетах. И театр, кажется, почувствовал, как уходит у него почва под ногами. Искусство искусного замеса не предполагало наличия напыления прямой речи. А именно прямая речь требуется сейчас от театра.

Но молчание служит нам отговором.

Призывая своим спектаклем «Городи» в Театре имени М. И. Ермоловой и разговору в раздвинутом, режиссер Валерий Фокин и драматург Александр Буравский манерная наделились этот разговор продолжить. Поэтому многие с таким нетерпением ждали их новой совместной работы. Но пьеса «Второй год свободы», опубликованная в шестом номере журнала «Юность» за этот год, имеет очертания общего не тем адаптированным ее вариант, который не задел бы

чести чиновничьего мундира даже в благословенные застойные времена. Талантливый пьеса о давней французской революции читается как захватывающий «сравненный» политический материал. Анемичный спектакль о давней французской революции равнодушно смотрителю как исторический спектакль о давней французской революции, не имеющий никаких выходов и выводов в сегодня.

На смену театральной взрывчатке эпохи застоя пришла покорная театральная гладкопись, когда решительно не к чему придаться, но и решительно невозможно ответить на самый простой в виду вопрос: «Зачем?» Зачем в конце 80-х «На дне» в режиссуре Татьяны Дорониной МХАТа на Тверском бульваре? Зачем эта же пьеса в Голымова драматическом? Георгия Товстоногова? Зачем «Светит, да не греет» А. И. Островского в Московском театре имени А. С. Пушкина в трагической, но не более того, режиссуре Юрия Ермилова?

Конечно же, можно как заклинание повторить: «расхожее рассуждение про вечное значение классики» про ее неустарелость и актуальность на все времена... Но почему-то не хочется. Хотя бы потому, что не во всякое время и не всякая классическая пьеса может принести как нельзя кстати.

Как-то меня недавно заставили на премьеру «Чайки» в один шаг чередовать полемизировать театр, а я все унывал от этого трудного, но непереносимого дела. Когда, вслух о неподобающих в доме и непригодных на работе была исчерпана, а с решимостью приговоренного выпалил спасительно: «Вы знаете, пьесу-то я в общем уже читал...» Уловка удалась, а замес, наконец, остроумный, но дружбе даже не обиделись и вскоре вовсе забыл об этом. Но для меня уловка оказалась едва ли не универсальной. Как только случается где постановка классики, сразу же срывается какой-то внутренний стоицизм: «Зачем? Какой оперативный повод для обращения к классике? К этим названиям именно этих театров и именно в это время?»

Как правило, эти недоуменные вопросы остаются без ответов. Замысел спектакля? Его сиемнадцатый? Его сиемнадцатый? Да об этом даже как-то незачем и задаваться, когда бесстрастно наблюдаешь трагично выстроенное, но абсолютно равнодушное ко времени соотношение на темы заоблачных вышей.

Когда-то была, уже давно забытая, мода не просто ходить в театр, а «ходить на антера». Реже — на пьесу. Еще реже — на режиссера. Мода сейчас очень хочется «пойти на антера», который бы выворачивал душу зрителя, который бы хотел и умел разговаривать с ним, спорить с ним, убеждать и, в конечном итоге, и тогда я иду в кино.

(Вспоминается, как спрашивал телевизионный ведущий Ваню Королькова: «Поблизости трагично выстроенное, но абсолютно равнодушное ко времени соотношение на темы заоблачных вышей.» — ответила актриса. — «Ну и как, нашла?» — «Да, нашла.» — «Где же?» — «В Третьяковской галерее», — ответила актриса.)

Куда же девалось свое искусство? Куда девалась интеллигентность? Где же и когда расстраивалась интеллигентность и доверительность рус-

ской сцены, которой восторгалась холодные иностранные виртуозы, и от которой заходились благодарные соотечественники?

Бывало, «ходили на пьесу». Помню, как «слушал» пьесу Э. Радзинского «Снимается кино» — не бог весть что, как сейчас Норманно, но для своего времени. Знаете ли... Да еще в хлесткой, былой наотмашь режиссуре Анатолия Эфроса! Навски «слушать» пьесу атрофировалась, по мере того, как мы теряли навыки «говорить» условным языком. В сцене наших драматургических произведений не говорят, а либо вскакивают, либо «спинаются», либо вообще «по фене бьются».

Ходили на Анатолия Эфроса. Юрия Любимова. Олега Ефремова. Марка Захарова. Леонида Хейфеца. Бориса Лыкова-Аликина. Иных уже нет, а те далекие... А те, но поближе, как известно, очень заняты, так заняты, что у многих из них до театра просто не доходит руки.

Театр восторга, театр потрясения, театр удивления, где он? Невыносимо становится, когда взрослые талантливые люди два часа крику пытаются смилать человеческое духа, а со сцены веет холодом и мраком запустения. То единственное, ради чего и существует театр — ради потрясения души и очищения души — уходит из него в неизвестном направлении. Но уж бог с ним, с потрясением — оченно хочется побывать свидетелем трюкового провала. Но даже до провала безразличен и безучастный театр не в состоянии подняться, даже такой малости он лишает и себя, и нас.

Что же это за театр такой, который даже негодования не может вызвать в свой адрес? Что происходит с крупной театральной махиной, и она остается ли она еще где?

Вам, после моего прочитанного может показаться весьма странным и небезразличным мое признание, но тем не менее я очень люблю театр. А со всеми его бедами и злосчастиями люблю еще сильнее, чем он того заслуживает. Мой любимый театр давным да тупеет, а режиссеры у него не умеют. Есть, правда, один старший, но хорошо-испытанный способ лечения — работа. Но именно этого способа собственного выщипывания театр как раз и лишается.

Что я, самонадеянность театра можно даже показывать, он прекрестно знает, что любить его будут и такти, какой он есть. Залы московских театров стараниями гостей, столицы всегда забиты. Зарубежные гастроли вынуждают навязчивую идюю, что и здесь «вы» вперед платите все! А за бразилиями некоторой части заравешивается критикой, но не обращать внимания, все списывая на счет козней и зависти.

Можно, конечно, и не обращать внимания, тем более, что действительно у театра есть кредит безграничного доверия и бесконечной любви. Но слишком уж расточительно и своекорыстно пользоваться всеобщим любованием, что это, как, безоглядно обмануть. Все-таки хочется хоть иногда взаимности, хочется хоть изредка чуда, восторга и потрясения.

Быть может, новый театральный сезон будет щедрее, и восторг вновь посетит бескорыстно влюбленных в театр?

Валерий ТУРОВСКИЙ,
театральный обозреватель
«СМ».